

САМОЗВАНЕЦ У ПАПСКОГО ДВОРЦА

Е. МИРОНОВ

Где еще можно встретить Евгения Миронова в столь умиротворенном состоянии без привычной адской гонки? В данный момент — на юге Франции, в Авиньоне. Он сидит на камушке в рубашке цвета свежей зелени, почему-то с трубкой, и смотрит на звездное небо, которое, кажется, только и держится на стенах монументального Папского дворца. Не картина, а идиллия с кратким названием — «и звезда с звездой говорит»...

— Ты первый раз здесь? — спрашиваю я его.
— Да. Красота — не уходил бы отсюда. Я, когда приехал, думал, отосплюсь... Но в первый день обошел город, посмотрел все эти путаные улицы. А вообще сижу в гостинице под кондиционером. Вечером — спектакль. А после вот уже второй день здесь, у Папского дворца.

Надо заметить, что, как и в Москве, Миронов во Франции держится несколько особняком — и от актерской братии, и от тусовок, которые устраиваются в саду Папского дворца организаторами фестиваля. На них он скорее присутствует из формальной вежливости и по-английски, не прощаясь, уходит. Всего пару раз артист отменился в единственном местном водоеме — бассейне, что за Роной. В Роне, несмотря на жару, никто не купается: французы уверяют, что здесь река особенно холодна, коварна и не совсем экологически чистая. Поэтому многочисленные туристы довольствуются видом знаменитого Авиньонского моста через Рону, так и не достроенного в свое время.

— Жень, а как тебе играется «Годунов»?
— Очень хорошо. Сцена у фонтана теперь, после этой жары, моя самая любимая. А знаешь, как мы репетировали «Бориса»? Деклан (английский режиссер Деклан Доннеллан. — М.Р.) сказал нам с Ирой Гриневой (Марина Мнишек. — М.Р.): «Ну давайте, играйте любовь. Я вернусь, вы мне покажете». А мы и не знакомы с ней были. И так, этюдными методами, во всех сценах. Что будет? — думал я, ведь я ненавижу работать этюдами. «Сделай Отрепьеву порок», — требовал Деклан. Я пробовал по-разному ходить, слюни распускал. А потом перечитываю Пушкина и удивляюсь: почему Самозванца никто не делал сухоруким? «Одна рука короче другой» — сказано же.

— А ты не хотел, как другие артисты, попробовать себя в режиссуре?

— Нет. Я понимаю, почему они за это берутся, но сам бы — вряд ли. Вот кино бы я снял.

— У тебя нет проблем с работой. А тебе приходилось отказываться от ролей?

— Да. Пять лет назад я приехал во Францию сниматься у одного знаменитого режиссера. Сижу, учу язык. Вдруг звонок из Москвы — это Фокин:

«Жень, — говорит он, — тут для тебя роль Ивана Карамазова. Но уже начинаем репетировать. Ты как?» Ну я купил билет на самолет и вылетел репетировать Карамазова. Так что не получилось из меня во французском кино боксера, которого я должен был играть.

— Жень... Ну какой из тебя боксер? Балетный — это я понимаю, а мордобой... мне кажется — это не твое. Фактура не та.

— Вот это ты зря. Я когда в больницу попал с желтухой, меня тут же спросили: «Парень, ты боксер?» Боксеры ведь поджарые и жилистые.

— Когда вернешься в Москву, будешь репетировать Треплева в мхатовской «Чайке»?

— Да. Но там проблема есть: ефремовский спектакль — он старый. Надо что-то менять. Но сыграть Треплева я очень хочу.

— Интересный у тебя театралный пасьянс в этом сезоне — трагедия «Годунов», убойная комедия «№13» и вот теперь драма «Чайка». Легко ли из одной стихии в другую нырять?

— Раньше проще было, а сейчас устаем. Знаешь, когда репетировали «№13», мы буквально умирали, катались на сцене со смеху. Особенно когда Машков показывал. И сами потом же пугались: если так смешно на репетиции, не провалимся ли на спектакле?

Ну ладно. Я пойду. До завтра.

И исчез, оставив под звездным небом скучающих французоз и веселых русских артистов.

Что до самого фестиваля, 55-го по счету, то он явно переживает кризис пенсионного возраста. Слава Богу, еще не в маразме, но печатью невыразительных спектаклей отмечен. Почему-то в этом году организаторы отказались от иностранной программы, которая обычно солидно звучит в общей афише. На этот раз несколько иностранных трупп, в том числе и российская, не способны покрыть дефицит хороших спектаклей. Среди французских прежде всего выделяется современный танец. Изумительный спектакль показал хореограф албанского происхождения Анжелен Прельжокаж, хорошо известный у нас своими постановками. Двухчасовое зрелище «Эликоптер» поражает невероятным использованием света в балете и возможностями современного танца. Светом — пронзительно синим и зеленым — на пустой сцене создается иллюзия дрожащей воды, трепета травы и даже воздуха. И среди этого великолепия шесть танцоров танцуют историю, которую во сне увидел композитор Штокхаузен. Во второй части лидер современного танца поэкспериментировал с двенадцатью полуобнаженными мужскими телами и шестью столами. Что немало удивило публику, которая увидела в этом жизнь морта. Но для этого печального заведения красивые и очень техничные танцоры оказались весьма энергичны, с эффектной партитурой движений. Скорее всего это хореографический протест против насилия, осуществляемого в мире сильной половиной человечества. Довольно глубокая философская концепция заложена в «Эликоптере» и высоко оценена прессой.

Похоже, что в этом году силы природы не благоволят фестивалю. Во всяком случае, на второй неделе начались дожди и мощнейшие грозы, которые прогнали с улицы уличный театр и «закрыли» спектакли, идущие под открытым небом. Без уличных артистов город как-то потускнел, и даже слял, устроенный в честь национального праздника — взятия Бастилии парижскими коммунарами, — радости не прибавил. В это самое время недалеко от Авиньона, в Экс-Ан-Прованса, проходит престижнейший оперный фестиваль. Опера — дело дорогостоящее, поэтому и публика, и цены на билеты резко отличаются от авиньонских. Достаточно сказать, что на премьеру оперы Бенджамена Бриттена «Поворот винта» (режиссер Люк Бонди) средняя цена на билеты 800 франков, то есть свыше 100 долларов. Подробнее об оперном фестивале и его самой экстравагантной постановке — в ближайших номерах «МК».

Марина РАЙКИНА,
Авиньон.

Москва, Кокосовский — Кошкин, Т. Мухоморова